

Сю-нянь когда-то была служанкой, вошедшей в дом Сун вместе с приданным Ли Ханьсу, матери Сун Чжи. Они росли бок о бок, словно родные сёстры, а после замужества госпожи стали ещё ближе.

Шесть лет назад монголы дошли до Тунлина. Отец Сун Чжи, местный уездный судья, был человеком книжным, сугубо мирным, но бросить город на произвол судьбы и бежать отказался. Он лишь успел отправить жену из города, посадив её в повозку, а сам остался и погиб при обороне.

Сю-нянь повсюду следовала за Ли Ханьсу в их скитаниях, пока четыре года назад госпожа не погибла от рук монгольских воинов. Все её близкие, вся её семья пали от мечей захватчиков. Саму её жестоко обесчестили. С тех пор ненависть женщины к монголам стала непримиримой — она пустила в её душе слишком глубокие корни.

— Сю-нянь, мне нужно помочь с похоронами дяди Бая, — негромко произнёс Сун Чжи.

Женщина очнулась от тяжких воспоминаний и кивнула:

— Всё верно. Бай Ачжу и Маньэр — женщины, им не пристало распоряжаться в таких делах.

Она помолчала и добавила:

— Одиноким вдове и дочери теперь придётся солоно. Нужно будет приглядывать за ними.

Сун Чжи согласился.

Бай Чжунлю был актёром и перебивался заработками в «весёлых кварталах», лишь бы прокормить семью. Его жена, Ачжу, как и Сю-нянь, иногда брала работу на дом: шила или вышивала. Маньэр была ещё слишком мала, чтобы пойти по стопам отца и выступать на подмостках — ей оставалось лишь помогать матери с рукоделием.

Тяжело было смотреть на осиротевшую семью, вмиг лишившуюся единственного кормильца.

Сун Чжи достал из-за пазухи кошелек, в котором позвякивали десять лянов серебра, и протянул его Сю-нянь.

После того как юноша съехал из поместья Чжан, советник Чжан Хуэй, ценивший его талант и не желавший оставлять юношу без покровительства, предложил покупать его свитки. Каллиграфия и живопись Сун Чжи стали для него и Сю-нянь единственным подспорьем.

Приняв серебро, Сю-нянь едва заметно улыбнулась:

— Вот и середина осени пришла. Пора справить молодому господину новый подбитый ватой халат.

У Сун Чжи было всего два холщовых одеяния на лето. Теперь, когда утренний воздух стал кусаться, тёплая одежда была просто необходима.

— Сю-нянь, не стоит! — поспешно возразил юноша. — Лучше купите себе снадобий, чтобы поправить здоровье.

С тех пор как наступил второй год девиза Цзин-янь, здоровье женщины сильно пошатнулось.

Сю-нянь лишь покачала головой. Она до сих пор не могла простить Чжан Хуэю его службы монголам. Для неё он оставался ханьцем, предавшим свой народ, а потому она наотрез отказывалась принимать его милости и никогда не тратила его денег.

— Сю-нянь, это серебро я заработал собственным трудом, — мягко убеждал её Сун Чжи. — Оно больше не принадлежит господину Чжану. К чему же вы губите себя? К тому же, зачем мне новый халат? В этом безрукавном подштаннике и куртке мне вполне тепло.

— Глупости! — возмутилась Сю-нянь. — Ты — учёный, обладатель степени сюэя, а ходишь в отрепьях как последний разносчик. Где же приличия?

— Какой из меня теперь учёный? — горько усмехнулся Сун Чжи. — Книжные экзамены давно отменили.

Слова сорвались с языка прежде, чем он успел подумать. Заметив, как помрачнела женщина, юноша поспешил сменить тему:

— Вы, должно быть, проголодались? Пойду приготовлю чего-нибудь!

Сю-нянь вскинула брови:

— Полно! Благородному мужу не место у очага!

Но Сун Чжи уже юркнул на кухню.

Сю-нянь тихо вздохнула. Она знала, что юноша относится к ней как к родной матери, и вся его забота — лишь проявление сыновней почтительности. Гнев её растаял, так и не успев вырваться наружу.

***

Пообедав, Сю-нянь переложила часть еды в миски и отправилась к соседям. Она постучала в дверь Баев:

— Ачжу, открой, это я.

Бай Ачжу была дружна с Сю-нянь и вскоре отперла. Увидев её, она едва не вскрикнула.

Маньэр едва исполнилось тринадцать, и мать её была ещё не стара, но годы тяжких трудов оставили на её лице глубокие борозды. Сейчас же Ачжу выглядела и вовсе тенью самой себя: глаза покраснели от слёз, веки опухли, а во взгляде читалось такое отчаяние, будто она сама была на пороге смерти.

Ачжу молча кивнула и отступила, пропуская гостью.

— Маньэр ведь ещё не ела? — мягко спросила Сю-нянь, проходя в комнату. — Я принесла ей немного еды. Она ещё дитя, ей нельзя голодать.

Эти слова попали в самую цель. Сю-нянь понимала: если бы не дочь, Ачжу, верно, уже последовала бы за мужем в мир теней.

Вдова всхлипнула, и по щекам вновь покатились слёзы:

— Спасибо тебе, Сю-нянь.

— К чему эти церемонии между нами! — Сю-нянь помогла подруге дойти до стола и позвала девочку: — Маньэр, иди скорее, тётушка принесла тебе угощение. Ты, небось, совсем ослабла?

Маньэр, у которой уже не осталось сил плакать, лишь икала, шмыгая носом:

— Я... я не хочу. Хочу к папе...

Сердце Сю-нянь сжалось. Она прижала девочку к себе, утирая её слёзы:

— Как же можно не есть? Если бы отец узнал, что ты моришь себя голодом, он бы очень огорчился. Ну же, милая, съешь хоть немного.

Маньэр обиженно посмотрела на неё, но, будучи ребёнком из бедной семьи, привыкла к послушанию. Она придвинулась на своём маленьком табурете к столу и принялась за еду.

Глядя на покорную дочь, Ачжу едва сдерживала новый приступ рыданий.

— Ачжу, — тихо произнесла Сю-нянь, — я помогу тебе вырастить Маньэр. Только не делай глупостей. Вспомни, как я когда-то бежала с молодым господином на руках? Мы всё вынесли, и ты вынесешь. Нет такой преграды, которую нельзя одолеть. Главное — живи... Отец Маньэр так любил её, он наверняка хотел бы, чтобы она росла в безопасности.

Немного помолчав, Сю-нянь спросила:

— Ты известила старшего брата покойного?

У Бай Чжунлю был брат, мясник по имени Бай Эрцзю, который позже сменил имя на более благозвучное — Бай Чжунфу. Этот Чжунфу считал себя человеком «удачливым» и всегда презирал младшего брата. Он полагал, что ремесло актёра позорит их род, а потому братья почти не общались, виделись лишь по большим праздникам.

— Ещё нет, — покачала головой Ачжу.

— С братом всё же нужно поговорить, — рассудила Сю-нянь. — Как-никак, похороны должны лечь на его плечи. Если что понадобится — только скажи. Я пошлю молодого господина исполнить твои поручения.

С похоронами медлить было нельзя. Со дня на день Ши-цзу должен был вернуться в столицу из Шанду. Возвращение императора — событие величайшей важности, и если затянуть, тело Бай Чжунлю в такую жару просто не дожждётся погребения.

По совету Сю-нянь Сун Чжи отправился к Бай Чжунфу. Узнав о смерти брата, тот не выказал и тени печали — скорее, втайне даже обрадовался. Он велел нескольким людям пойти в дом Ачжу и забрать тело.

Сю-нянь, не желая, чтобы проводы Бай Чжунлю были совсем уж жалкими, втайне отдала несколько лянов своего серебра, чтобы Бай Чжунфу заказал гроб получше. Что же до сотни лянов, выплаченных Лянь Шэнем в качестве виры, она велела Ачжу спрятать их подальше, дабы жадный деверь не наложил на них лапу.

В день похорон Сун Чжи сопровождал траурную процессию. Родовое кладбище Баев находилось в восточном пригороде, за воротами Чунтянь. В тех краях было безлюдно, лишь грохот барабанов и гонгов оглашал окрестности. Бай Ачжу и Маньэр рыдали так, что едва не лишались чувств; Бай Чжунфу же, боясь дурной молвы, выдавил из себя несколько притворных всхлипов.

После погребения положено было совершать поминальные службы каждые семь дней вплоть до сорок девятого дня — так называемые «Семь седмиц». Бай Чжунфу тратиться на это не желал. Сун Чжи пришлось написать ещё одну картину и отнести её в дом Чжан Хуэя. Вырученные деньги он отдал вдове, и только тогда Чжунфу милостиво согласился довести обряды до конца.

Однако не успели кости Бай Чжунлю остыть в земле, как старший брат ополчился на беззащитных сирот. Бай Ачжу была всё ещё милостива, а Маньэр и вовсе росла писаной красавицей. Чжунфу задумал «сварить рис до готовности»: взять вдову в наложницы, а племянницу продать в какой-нибудь чайный дом или бордель.

Но Ачжу оказалась женщиной с кремнёвым характером. Она с такой силой ударила головой об угол кровати, едва не лишив себя жизни, что негодяй не на шутку струхнул. Сун Чжи же, не теряя времени, принялся грозить ему «Уложением Великой Юань». Только тогда Бай Чжунфу отступился и оставил мать с дочерью в покое, предоставив их самим себе.

После этого вдова закрыла двери дома и почти не выходила наружу, соблюдая строгий траур.

***

Вскоре после похорон Ши-цзу вернулся в столицу. Чиновники, остававшиеся в Даду, собрались у ворот Цзяньдэ и Личжэн, готовя торжественную встречу.

Пока высшие сановники совещались, «золотая молодёжь» столицы устроила собственное собрание.

В восьмом високосном месяце, в день цзя-чэнь, Лянь Шэнь созвал гостей в своём поместье. Среди приглашённых были Чжан Чэньи, старший внук правого канцлера Чжан Хуэя; Мэнгутай, законный внук Верховного государственного советника Ахмада; Хао Янь, племянник левого советника Хао Чжэня, а также Ясу, младший сын советника Едимиши, и ещё несколько юношей, которых Мэн Хуань знал лишь в лицо.

Едва переступив порог и увидев Мэнгутая с его свитой, Мэн Хуань едва не развернулся, чтобы уйти. Он был в большой дружбе с Лянь Шэнем, а потому сразу зашептал тому на ухо:

— Зачем ты их позвал?

Лянь Шэнь виновато развёл руками:

— Это не я... Мэнгутай сам попросился, не мог же я захлопнуть дверь перед его носом.

Ахмад, Чжан Хуэй и Хао Чжэнь в совете действовали заодно, что крайне не нравилось Баяну. Мэн Хуань, будучи человеком Баяна, не питал добрых чувств к приспешникам Ахмада. Особенно его раздражал Мэнгутай, чья вечная фальшивая ухмылка вызывала лишь тошноту.

Мэн Хуань криво усмехнулся. В этот момент Мэнгутай подал голос:

— Хацзиэр, неужто ты меня не заметил? Даже словом не перекинулся.

Мэн Хуань заставил себя изобразить подобие вежливости:

— Давно не виделись, Мэнгутаю.

Лянь Шэнь тихо шепнул другу:

— Если он тебе совсем не вмоготу, найди предлог и уходи.

— Обойдётся, — ответил Мэн Хуань. — Потерплю немного.

Уйти сейчас значило бы выказать неуважение к хозяину дома.

— Слышал, ты сопровождал генералов Алаханя и Фаня в восточном походе на Японию и был ранен? — продолжал Мэнгутаю. — Надеюсь, раны затянулись?

— Благодарю за заботу, — отрезал Мэн Хуань. — Давно поправился. Лучше скажи, как поживает генерал Синьду?

Синьду приходился Мэнгутаю дядей — тем самым «абухэ». Во время сражения у острова Сика (Сика-сима) он, охваченный жаждой наживы и трусостью, провалил атаку, чем навлек на себя гнев императора. Ши-цзу лишил его жалованья на полгода и понизил в чине.

Мэнгутаю мгновенно помрачнел.

Лянь Шэнь поспешил вмешаться:

— Мы так редко собираемся вместе! Оставьте споры. Давайте пить!

Он поднял кубок, и никто не посмел пойти против воли хозяина. Атмосфера за столом немного смягчилась.

Мэн Хуань был дружен с Ясу, а потому большую часть времени беседовал с ним. Но Мэнгутаю будто бес попутал — болтая с Чжан Чэнъи, он то и дело норовил вставить слово в разговор Мэн Хуаня.

Чжан Чэнъи жаловался:

— Дед велел мне бросить гулянки. Сказал, что как только Его Величество вернётся, он выхлопочет мне какую-нибудь должность. Ох, и намучаюсь же я!

Мэнгутаи, уже служивший в цензorate, хмыкнул:

— Что же тут мучительного? Пойдёшь на службу — сам поймёшь, какие в том выгоды.

Среди присутствующих, помимо Чжан Чэнъи, лишь Ясу ещё не вступил на официальную тропу, хотя уже успел побывать на поле боя под началом Айтигэ.

— Какие там выгоды! — подал голос Ясу. — Уж лучше в доспехах врага крушить. Вот где настоящая доблесть!

Чжан Чэнъи окинул всех взглядом:

— Неужто вам всем так охота в чиновники?

Хао Янь рассмеялся:

— А кто ж не хочет власти и жалованья?

— Один такой точно найдётся, — усмехнулся Чжан Чэнъи.

Лянь Шэнь с любопытством подался вперёд:

— Вот как? И кто же это?

Чжан Чэнъи отпил вина из нефритового кубка и не стал тянуть с ответом:

— Это ханец, которого мой дед когда-то спас. Зовут его Сун Чжи, второе имя — Цзилань.

<http://bllate.org/book/17487/1692476>